



# ГЛАВА 1

## ХОЛОДНЫЕ НОГИ, ДОСАДНАЯ ВСТРЕЧА

Прежде чем сделать звонок, который окончательно разделит их с братом жизнь на до и после, Пашка еще раз посмотрел на Ваню, лежащего с закрытыми глазами на старом диванчике. Тот беспокойно, поверхностно дышал, периодически постанывая. Лоб покрыт испариной, губы подрагивают. Тянуть больше нельзя.

Пашка дрожащим пальцем разблокировал экран смартфона и открыл окно набора номера. Нужно нажать лишь три цифры — «1», «0», «3». Это так просто и так тяжело одновременно. Три цифры, и жизнь больше никогда не будет прежней. Пашка вдруг ощутил, что на самом деле его жизнь была совсем не такой плохой, какой он привык ее считать. Жаль, поздно понял.

Один... ноль... три... Осталось нажать зеленую, такую не к месту жизнерадостную, кнопку вызова. «Давай, Паша, последний рывок».

Вместо этого Пашка коснулся значка «Контакты» и нашел номер человека, которому захотелось позвонить напоследок. Тот самый единственный звонок. На него даже преступник имеет

право. И пусть Пашка не был уверен, что хоть на что-то теперь имеет право, пугливым движением пальца он прикоснулся к дорожному для него имени и поднес трубку к уху.

*Тремя неделями ранее*

Пашка шел по улице, не торопясь, что было ему совершенно несвойственно, и улыбался во весь рот. Во все тридцать два зуба, говорится в таких случаях, но зубов у Пашки было пока только двадцать восемь. Несмотря на середину зимы, вместо трескучих морозов вот уже вторую неделю стояла противная, если не сказать мерзкая, слякоть. Неторопливо тающий при температуре плюс один градус снег, перемешанный с песком и реагентами, был цвета старой половой тряпки из мешковины, которой тетя Зоя, школьная техничка, до сих пор мыла полы.

А Пашка все равно улыбался. Даже когда наступил правой ногой по щиколотку в самую жижу и почувствовал, как холодная жидкость проникает сквозь не приспособленные к прогулкам по лужам дутики. Пашкина обувь, несмотря на дешевизну, вполне подходила для зимы — ноги в ней не мерзли, — но категорически не годилась для межсезонья и была слишком теплой по местным меркам.

Однако даже мокрая правая нога и влажная левая не смогли испортить парню настроение. Досадливо крикнув, в следующую же секунду Пашка снова заулыбался.

Много ли человеку для счастья надо? Оказалось, для Пашкиного счастья было достаточно Полиной улыбки.

Последним уроком в девятом «Б» была сегодня история. Елена Михайловна что-то монотонно рассказывала (кажется, ее лекция была связана с реформами Александра II, но это не точно), а Пашка в это время любовался Полиной, вернее, Полининым затылком, а иногда, когда девушка поворачивалась к соседке по парте, — Полининым профилем. Полина сидела за второй партой первого ряда, а Пашка — за четвертой партой второго, и это было прекрасно, так как парню открывался прекрасный обзор. Полины длинные светло-русые волосы, убранные в хвост, очень красиво струились по спине при каждом движении головой, и Пашка многое отдал бы, чтобы вечно вот так сидеть и просто любоваться Полиниными волосами. И иногда — Полининым профилем.

А потом случилось удивительное. Полина вдруг повернулась к Пашке, внимательно на него посмотрела и улыбнулась. Лишь на каких-то пару секунд улыбка коснулась лица девушки, обнаружив скрытые до сих пор наивные ямочки на щеках, после чего Полина отвернулась и стала внимательно рассматривать страницу в учебнике, но этих секунд было достаточно, чтобы сделать Пашку самым счастливым человеком. Он расплылся в такой сияющей улыбке, что даже близорукая Елена Михайловна ее заметила.

— Васильев, ты какой из реформ, земской или судебной, так сильно радуешься?

— Обeim, — нашелся Пашка.

Елену Михайловну, собиравшуюся подробно расспросить Павла о таких прекрасных, по его

мнению, реформах, перебил звонок. Седьмой, последний на сегодня, урок был закончен, и класс загудел, как потревоженный пчеловодом улей.

— Учить семнадцатый параграф! — попыталась перекричать двадцать пять старшеклассников Елена Михайловна. — На следующей неделе контрольная!

И сейчас, идя на нелюбимую работу, с мокрыми ногами и вагоном других проблем, Пашка улыбался.

Полина пришла в их класс в начале этого учебного года. До этого она с родителями и братом три года жила в США и только летом вернулась на родину. Пожалуй, это была любовь с первого взгляда. Увидев Полину в первый раз первого сентября, Пашка широко раскрыл глаза — то ли от изумления, то ли от восторга — и с тех пор украдкой любовался на уроках Полиниными волосами. И иногда — Полининым профилем.

Если бы у Пашки спросили, он вряд ли смог бы объяснить внятно, что такого замечательного видит в Полине. Она не была такой яркой красоткой, как Настя Куликова, их одноклассница, — блондинка с густо накрашенными ресницами, алыми губами и ногами, растущими от ушей (к слову сказать, Полина вообще не красилась). Не была такой артистичной и остроумной, как другая одноклассница, Вика, которая мастерски ставила все сценки и танцы для школьных мероприятий. Поля была тихая скромная отличница, каким-то непостижимым образом в первый же день знакомства поразившая Пашку в самое сердце.

Шансов Пашка не имел никаких, он это понимал и старался не мечтать попусту. Полина казалась существом из другого мира. У нее была полная благополучная семья, ее папа каждое утро подвозил дочь в школу на шикарном черном внедорожнике, ее мама носила сумку за семьдесят тысяч рублей (Пашка слышал, как одноклассницы однажды обсуждали стоимость кожаного изделия). Сама Полина знала в совершенстве два иностранных языка и к своим пятнадцати годам уже побывала в восемнадцати странах. А Пашка... Он не мог себе позволить даже два билета в кино, не говоря уже о том, чтобы купить еще и попкорн с газировкой. Лучше было даже и не мечтать.

Но перестать любоваться Полиной с четвертой парты Пашка не мог, да и не хотел. Могут же у него быть хотя бы маленькие радости?

В мыслях о девушке прошла вся дорога до Пашкиного рабочего места — трехподъездного десятиэтажного дома, лестничные пролеты которого парень мыл три раза в неделю.

С завистливым вздохом Пашка смотрел обычно на парней и девушек с огромными рюкзаками желтого, зеленого или розового цвета, доставляющих продукты. Он и сам с гораздо большим удовольствием стал бы курьером, чем поломойкой. Но, имея несчастные два-три часа в день от конца последнего урока до шести вечера, когда Пашка должен был забрать брата из садика, невозможно работать курьером. Никому не нужен курьер на два часа. Мойщик полов — нужен.

Подойдя к двери подсобки в торце дома номер восемнадцать, Пашка достал из кармана ключ

и открыл дверь. Сбросил куртку — в подъезде было теплее, чем на улице, — взял ведро, открыл кран, торчащий из стены, и налил две трети ведра. Если ему повезет и Марина Витальевна из десятой квартиры будет дома, то она дольет ему горячей воды в ведро и морозить руки не придется. Затем Пашка взял швабру, тряпку и вышел.

Открыл дверь подъезда своим ключом и первым делом поднялся на лифте на второй этаж. Нажал на звонок десятой квартиры, подождал две минуты. Дверь никто не открыл. Пашка вздохнул: так и придется мыть полы холодной водой. Никого больше из этого подъезда он не знал, а звонить в двери незнакомых людей с просьбой о горячей воде стеснялся.

Пашка опустил руки с тряпкой в ведро с водой и постарался побыстрее прополоскать и отжать тряпку — вода была такой холодной, что казалось, будто сотни острых кровожадных иголок вонзились в кисти. Затем подросток поднялся на лифте на десятый этаж, при этом быстренько протерев пол в самой кабине, а потом этаж за этажом спускался по лестнице, оставляя после себя сверкающую чистотой поверхность бетонного пола. Помыв за полчаса лестницы и пролеты на трех этажах, Пашка вновь спустился на первый, чтобы сменить воду. Это была неприятная процедура, так как вода в ведре за это время успела чуть нагреться, а налить пришлось снова ледяную. Пашка еще раз позвонил в дверь десятой квартиры в надежде на то, что Марина Витальевна вернулась, но безуспешно. Мыть полы предстояло все так же, холодной водой.

Чтобы как-то поднять себе настроение, Пашка старался удерживать в голове образ улыбающейся ему Полины, но минута за минутой, час за часом этот образ уходил от него все дальше и дальше, а ежедневные заботы и проблемы снова заняли в голове свое обычное место — главное место, не оставляющее для других вещей почти никакого свободного пространства.

Если бы у него были беспроводные наушники, он бы с удовольствием воткнул их сейчас в уши и врубил какую-нибудь музыку погромче, чтобы не слышать назойливых беспокойных мыслей, но наушников у Пашки не было. И вместо музыки в его голове сейчас гудел целый рой этих самых мыслей.

Ноги, мокрые ноги — что бы надеть дома вместо дутиков перед тем, как идти в сад за братом? Другой зимней обуви у Пашки нет, в мокром идти не хочется, а Ванька точно захочет после садика погулять, как и всегда. Ладно, наденет носки потолще, может, спасут хоть немного.

Ужин... Черт бы его побрал. Надо что-то приготовить, а для этого нужно что-то купить — остатки картошки с сосисками доели вчера, и в холодильнике, скорее всего, пусто. А чтобы что-то купить, нужны деньги — хотя бы рублей триста-четыре-ста. У Пашки же в кармане было только сто.

Следом за мыслями об ужине и необходимости идти в магазин в голове мелькнуло воспоминание о вчерашнем вечере, неуловимо пахнущее чем-то затхлым.

То, что короткая передышка закончилась, Пашка понял вчера сразу, как только переступил

порог квартиры. Не успев ничего услышать, еще не видя мать, парень уже был уверен на все сто процентов, что она спит на диване в неестественной позе, свесив одну ногу и шумно сопя носом, а на журнальном столике стоит открытая бутылка водки. Или, может, бутылка уже лежит под столом.

Тут не было ничего нового. Просто до этого случились несколько недель, когда в квартире не пахло водкой, а мать не выпрашивала у Пашки денег на бутылку, даже сама подрабатывала уборщицей в магазине, иногда покупала какие-то продукты и почти каждый день готовила.

Но самое паршивое заключалось даже не в том, что теперь она точно не будет готовить, а Пашке придется хорошенько прятать деньги, чтобы мать их не нашла в его карманах или рюкзаке. Он скрежетал зубами при мысли о брате. Когда мать чуть приходила в себя после запоя, она вдруг вспоминала, что у нее есть дети, — по крайней мере, она вспоминала про Ваню, Пашка-то ее к себе не подпускал. Нина сажала младшего сына рядом с собой на диван, гладила по голове, читала ему книжки, целовала на ночь и помогала собраться в садик утром. Когда же это все в одночасье заканчивалось — так, как закончилось вчера, стоило матери принести домой бутылку водки, — Ваня еще несколько дней ходил по квартире, надеясь на причитающиеся ему по праву мамы объятия, но получал лишь запах перегара и взгляд, который не мог ни на чем нормально сфокусироваться, не то что сложить слова в детской книжке в предложения.

И, думая теперь о том, что ему придется каждый вечер видеть несчастную моську младшего брата, не понимающего, чем так сильно болеет мама, что даже не может ему почитать, Пашка произвольно скрежетал зубами. Он как-нибудь решит вопрос с ужином, в конце концов, ста рублей ему хватит на пачку макарон и плавленый сыр, но вот решить вопрос с ребенком, которому жизненно необходима нормальная трезвая мать, Пашка абсолютно бессилён.

В этих безрадостных мыслях прошли еще полтора часа. Как-то совсем далеко отодвинулись воспоминания о Полиной улыбке, будто и не было ее. Мысли о деньгах, о матери, об ужине и о брате тоже постепенно отошли на задний план, на передний же вышел холод, который к моменту окончания мытья полов буквально раздирал на куски и руки, отжимавшие половую тряпку в холодной воде, и ступни, уже даже не просто мокрые, а заледеневшие.

Когда Пашка домывал пол на лестнице между вторым и первым этажом, мечтая лишь о том, как дома сунет ноги под горячую воду, за спиной он услышал до боли знакомый противный голос:

— Это кто это у нас тут, вы только посмотрите!

Пашка выпрямился и нехотя повернулся. На самой нижней ступеньке стоял его одноклассник Димка и мерзко ухмылялся. Дмитрий Горчаков был самым гнусным сукиным сыном из всех, кого Пашка знал. Дорогие брендовые шмотки, последняя модель айфона, несколько тысяч на карманные расходы — и ни совести, ни уважения к другим, да и ума, по правде говоря, не много.

Димка не считал нужным прилагать хоть какие-то усилия в школе, ведь папочка должен был оставить ему семейный бизнес.

Пашка специально выбирал для подработки дом, где точно не живет ни один его одноклассник, и ходил на работу пятнадцать минут пешком в одну сторону, хотя мог бы мыть полы в соседнем доме.

И надо же было такому случиться, что из всех знакомых именно Димка каким-то образом застукал его за таким постыдным для подростка занятием!

— Иди куда шел, — процедил Пашка, отворачиваясь от одноклассника.

Продолжать мыть пол при нем он не мог, но и уйти, не закончив работу, тоже было нельзя. Пашка достал свой старенький смартфон и сделал вид, что читает что-то очень важное.

— А я куда не тороплюсь! — хохотнул Димка. — Тут поинтереснее зрелище, чем обед у моей тетки.

Постояв в раздумье несколько секунд, Пашка снова повернулся, задев ведро ногой — как будто случайно, и поток мутной холодной воды хлынул прямо на ноги Димки, который стоял ниже. Звук радостно прыгающего по бетонным ступеням железного ведра разнесся по подъезду.

Димка с матерным криком отскочил, но было поздно: его щегольские зимние светлые кроссовки и низ широких голубых джинсов промокли и испачкались.

— Ах ты...

Горчаков грязно выругался, бешено вытирашившись на Пашку, однако в драку не полез:

Пашка был хоть и худым, но на голову выше Димки и, что самое главное, с детства занимался самбо. Мог в два счета уложить на лопатки пухлого неспортивного одноклассника.

Пашка довольно усмехнулся. Ничего хорошего эта встреча ему не сулила, он это понимал, но вид испачканного и злого Димки вдруг немного поднял ему настроение.

— Пардон, месье, случайно вышло,— ухмыльнулся Пашка, чем разозлил Димку еще больше.

Однако, не найдя, что тут можно сделать, тот прошипел себе под нос: «Ответишь у меня, сволочь!» — и предпочел ретироваться: вызвал лифт и поехал куда-то на верхние этажи, видимо к тетке на обед.

Пашка вздохнул и решил домыть пол той водой, которая была сейчас разлита по лестнице и площадке около лифта. Идти наливать ведро заново не было никакого желания.

Закончив мыть пол на первом этаже, он забросил ведро, швабру и тряпку в подсобку и быстрым шагом двинулся домой. Рукам стало чуть легче, когда Пашка надел на них варежки, а вот ноги, наоборот, страдали ужасно. Всю дорогу до дома парень не мог уже думать ни о чем, кроме ног, — ни Полинина улыбка, ни пьяная мать, ни мерзкий одноклассник уже не были так важны, как ощущение, что в сапогах у Пашки две ледышки вместо ступней.

## ГЛАВА 2

### ДОМАШНИЙ ВЕЧЕР

Открыв ключом квартиру, Пашка тихо, будто был не хозяином, а вором, проскользнул в прихожую. Он сам не мог бы сказать, откуда у него эта привычка, но ему были абсолютно необходимы несколько секунд для приблизительной оценки обстановки. Если он понимал, что мать дома и нетрезвая, то максимально бесшумно просачивался в свою комнату или ванную, лишь бы не встретиться с ней даже взглядом. Смотреть на нее ему было противно. Если матери не было или он слышал, что она не пьяна, — к примеру, когда с кухни раздавались звуки шкварчащего на сковороде масла, — Пашка спокойно раздевался и не скрываясь шел туда, куда ему было нужно.

Сейчас в квартире стояла полная тишина. Заглянув к матери в комнату, Пашка убедился, что той дома нет, и с облегчением направился в ванную. Матери не было и тогда, когда Пашка забежал после школы бросить рюкзак, а это случилось почти три часа назад, — значит, она не просто в магазин пошла, а куда-то к своим собутыльникам. С кем конкретно и где его мать проводит

время, Пашка не знал, но видел ее периодически в компании не очень трезвых людей рядом с магазином алкогольных напитков.

Раньше Нина приводила время от времени этих сомнительных личностей к себе домой. На вид они были безобидными, один мужичок даже носил очки, наизусть читал Пушкина и приносил Ване конфетки; сидели у матери в комнате, тихонько переговаривались, чокались и пили. Но года полтора назад Пашка, придя домой с тренировки, застал в гостях у матери дома типа, которого никогда раньше не видел. Невысокий мужик этот был совершенно мерзким на вид — непонятного цвета штаны в жирных пятнах, порванная на локте рубаха, грязные патлы, свисающие на глаза. Он размахивал руками, что-то громко говорил, обильно перемежая речь матом, дико оглядывался вокруг. Мать сидела, вжавшись в кресло, а Ваньки не было видно. Пашка бросился в свою комнату в поисках брата, но там его не было. Ваня нашелся в темной ванной, он стоял там, спрятавшись за шторку, и тихонько плакал.

— Эй, парнишка, ты чего, все хорошо! — Пашка взял брата под мышки, вытащил из ванной, поставил на пол и прижал к себе.

— Я боюсь этого дядю... — Мальчик всхлипнул и уткнулся брату лицом в живот. — Ты почему так долго не шел?

— Тренировался прогонять плохих дядь, — чуть слышно ответил Пашка, отодвинул от себя Ваню и вышел из ванной. В ушах у него зашумело, в горле пересохло, руки сжались в кулаки.

Пашка влетел в комнату, где пьяный мужик навис над сидящей в кресле испуганной матерью, схватил его за шкуру и поволок к выходу из квартиры. Подросток был выше своего оппонента и, видимо, сильнее, так как три раза в неделю занимался боевым самбо, в то время как мужичок ничего тяжелее бутылки давно не поднимал. Мужик хрипел и извивался, но Пашка держал его мертвой хваткой.

В прихожей он на секунду убрал левую руку с одежды мужичка, открыл входную дверь и со всей силы вытолкнул того наружу. Мужчина отлетел метра на полтора и упал на подъездную плитку задницей, громко и визгливо матерясь.

— Если еще раз здесь увижу, убью! — пообещал Пашка и захлопнул дверь.

От двери ванной на него восхищенно смотрел Ваня, осмелевший настолько, чтобы выйти в коридор.

— Ну, ты как супермен! — присвистнул младший брат.

Ничего не ответив, Пашка снова вошел к матери в комнату и закрыл за собой дверь. Затем подошел к креслу, где сидела испуганная женщина, наклонился к ней и тихо, но очень разборчиво сказал:

— Если еще раз я увижу здесь кого-то из твоих дружков, я убью их, я тебе клянусь. Меня посадят, Ваньку заберут в детдом, а ты перестанешь получать на нас пенсию. Ты поняла?

Мать медленно кивнула, не отрываясь глядя в глаза сына. Она не выглядела сильно пьяной, скорее, чуть выпившей. Значит, должна все понимать, решил Пашка.